

Как создавались «Джунгли»

Перевод с английского Н. ДАРУЗЕС

1

Мой роман о гражданской войне «Север против Юга» вышел в свет, и критика хвалила книгу, но в продаже не разошлось и двух тысяч экземпляров. Американцы не желали слышать о том, что досталось им в наследство; во всяком случае — не желали слышать от меня. Пятьсот долларов аванса — вот все, что я получил за свои труды.

Тем не менее «Север против Юга» помог мне выбиться на дорогу. Редактор «Призыва к разуму»¹ прочел книгу и написал мне восторженное письмо: я изобразил борьбу за освобождение черных рабов, почему бы не сделать того же для белых фабричных? Я ответил, что возьмусь за это, если он окажет мне материальную поддержку. Редактор согласился дать мне пятьсот долларов аванса под будущий роман, и местом действия я выбрал чикагские боины. Последняя стачка навела меня на эту мысль, а мой памфлет «Вы проиграли стачку» доставил мне популярность среди рабочих-социалистов, занятых на бойнях.

В октябре 1904 года я приехал в Чикаго и прожил семь недель среди рабов консервного треста. Впоследствии меня нередко спрашивали, не родился ли я в Чикаго, а я отвечал, что если бы я прожил там всю жизнь, то не написал бы «Джунглей»; тогда я не нашел бы ничего особенного в вещах, которые поразили меня, как

Мы печатаем главу из незнакомой нашему читателю автобиографии Эптона Синклера, посвященную истории одной из лучших книг Синклера — романа «Джунгли», написанного тридцать лет тому назад.

¹ «Призыв к разуму» — социалистическая газета, издававшаяся в США в довоенные годы.

неожиданный и сильный удар. Я ходил бледный и осунувшийся, что объяснялось частью недоеданием, частью отвращением. Мне казалось, что я стою под стенами цитадели угнетения. Как пробить брешь в этих стенах или перебраться через них — такова была моя стратегическая задача.

Вечера я просиживал на квартирах у рабочих, иммигрантов и уроженцев Америки: они рассказывали мне свою жизнь, один за другим, и я записывал решительно все. Днем я ходил по бойням, и мои друзья, рискуя потерять работу, показывали мне все, что я хотел видеть. Я был одет немногим лучше рабочих и сделал открытие, что, держа в руке котелок с обедом, можно пройти куда угодно. Пока я не останавливался, никто не обращал на меня внимания. Когда мне нужны были особенно точные наблюдения, я несколько раз подряд проходил через то же помещение.

Я бродил в районе боев, беседовал с юристами, врачами, сиделками, полисменами, политиками, маклерами — со всякого рода людьми. Обедал я в университетской столовой, где проверял собранный материал, советуясь с людьми, занимавшимися социально-филантропической работой в этих местах. Когда книга вышла из печати, они были слегка шокированы, узнав, каким ужасным кажется все это со стороны.

Для меня оказалось большой удачей, что как раз в это время в Чикаго приехал Адольф Смит, корреспондент «Ланцета» — ведущего английского медицинского журнала. Смит, один из основателей английской социал-демократической федерации, был в то же время специалистом по вопросу о бойнях и консервной промышленности и обследовал для «Ланцета» все боины мира. Когда я начинал сомневаться в значимости собранного мною материала, — когда мне казалось, что мое отвращение объясняется излишней чувствительностью

молодого идеалиста. — и находил поддержку в профессиональном, деловом отношении (мита). «Это — не консервная продукция! — говорил он. — Это — консервная банка, набитая телами рабочих!»

К концу месяца я собрал фактический материал и в общих чертах знал, что мне было написать, но героев у меня еще не было. Сначала я ездил и поспрашивал по поводу войны, и увидел перед собой садящуюся прелесть. Так было в первом смысле слова, потому что так было несколько женщин, батном набитых людьми, и я оставил их посмотреть; они были настроены дружелюбно, и я вышел из-за них и присел к стене. Первая глава «Джунглей» должна принимать форму. Первые главы были мои герои — женщина и жезл, старик-революционер, шумный кулак, дитя, три кулацкая и прочая прочая. Я писал-писал по всем по очереди, отдал каждому свое место в романе и мысленно начал писать эту книгу, по своему обыкновению повторил снова и снова, чтобы прежде зафиксировать в памяти. Я вышел усталый, потом вернулся и просидел на стуле у стены до поздней ночи, но не успел ни с кем в разговор, а только набладал, доводя до сознания подробности и стараясь лучше запомнить детали. Прошло два месяца, прошло чем я вернулся домой и сел за письменный стол, но роман в основных чертах был уже сделан, и я записывал на память целые абзацы, даже страницы.

2

Жить в тесной лачуге было очень неудобно, и мы решили переехать в настоящий деревенский дом. Мы стали разглагольствовать по округе, присматривались то к одному, то к другому дому, — причем я велел дешевы, а моя жена — красоты. — и впадали в уныние оттого, что эти качества никогда не встречались вместе. Наконец, жена восторжествовала, и мы выбрали участок с хорошим домом в восемь комнат, который продавался за 2 600 долларов — тысячу наличными, остальное по закладной. Земля была шестьдесят акров, с хорошими службами, рощицей и тремя фруктовыми садами; наше воображение добавляло к этому корову, кур, лошадей и акнаж, и мы убедили себя, что все это должно обитывать.

Перед тем как засесть за «Джунгли», я сделал визит доктору Сведжу, который

нас познакомил. — я рассказал наши злоключения этой доброй душе. Я рассказал ему, как моя жена была близка к самоубийству прошлой зимой, и так разволновал его, что он согласился дать мне шайму тысячу долларов, лишь в обеспечение вторую закладную на нашу ферму. Добрую, верно, пришлось выслушивать немало подобных грустных историй и своим просторным кабинетом, похожим на церковь! Он дал мне понять, что он отнюдь не богат, и я был рад, когда в конце года мне удалось вернуть ему деньги.

Мы переехали на новую квартиру, роскошно обставленную разнокалиберной мебелью, купленной на «распродажах», которые бывали в наших местах довольно часто, когда кто-нибудь умирал или переезжал куда-нибудь.

Стояли, бывало, в снегу и топтаешь от холода ногами, выкидан случай кулать три кухонных стула без сиденья и перекидан, или дожили тарелок, составленных в расколотый умышленный таз. Платить надо было наличными и забирать свою покупку в двадцать четыре часа. На такой распродаже я купил корову и лошадей с шарабаном.

Предыдущей зимой я своими руками построил себе хибарку для литературных занятий, в восемь футов шириной и десяти длиной, крытую холмом, с одним окном и одной дверью. В ней стоял стол, стул, самодельная полка с книгами, и маленькая круглая печурка, которая топилась углем, — шдохновение подгоняло меня, и мне некогда было подкладывать дрова. Эту хибарку погружали на подводу, перенесли на новое место и поставили над обрывом, на самом юру; в то время я ценил живописные виды больше, чем теплый уют; теперь я не так романтичен и по возможности стараюсь укрыться от ветра. На рождество я засел в этом убежище и начал писать первую главу «Джунглей».

Три месяца я работал не отрываясь. Я писал со слезами и болью, вкладывая в книгу все муки, которыми подарила меня жизнь. Это была история рабочей семьи с чикагских боев, но это была также история моей собственной семьи. Мне нужно было рассказать, как страдают в зимнюю стужу чикагские бедняки. Стоило только припомнить прошлую зиму в этой самой хибарке, когда мы повергались в зимнюю стужу укрывались половниками и скорчились, прожались на своих кроватках. То же я мог рассказать о голоде, и о болезнях, и

о страхах. Моей героиней «Джунглей» была моя жена, только она говорила политически. Нам мальчик в ту зиму боялся воспадения легких и был при смерти, и это горе тоже вошло в книгу.

3

Три месяца непрерывной работы и сидней жизни расстроили мое пищеварение. Один родственник предложил мне билет на пароход в Флориду. Я взял билет и поехал во Флориду. Два недели я бродил по берегу моря и ловил рыбу в бурунах. Вернулся я отдохнувшим и работал всю весну и лето. «Привык к рыбку», маленький подумалловый тираж, начал печатать мой роман, — и получал много писем от читателей и понял, что на этот раз написал книгу, которую будут читать. «Я не пахожу слова, чтобы сказать вам, какое сильное впечатление она производит на меня», писал мне Дэвид Грохем Флинне¹.

Разумеется, в том году и жила и обычной человеческой жизнью. Иногда в деревне бывало хорошо — когда выпал первый снег и весной, когда перелески покрывались розовым цветом, груши — белым, а яблоки — белозеленым. У нас был огород, и нам еще не приходило в голову, что содержать его обходится дороже, чем покупать овощи в лавочке. Мы достали гусиных яиц, посадили на них наседку, у нас вывелось с десяток гусят, за которыми приходилось гоняться по всей округе, пока их не съели явницы и наши соседи — Джуксы. Летом я работал в огороде все свободное время и стал мастером на все руки. Я косил траву, что было весьма живописно и романтично, хотя облака цветочной пылью заставляли меня чихать до одурения.

Незадолго до того, как кончить книгу, я стал работать по организации студентов-социалистов. Я много думал об образовании, которое мне дали в школе и в университете, и пришел к убеждению, что мое полное невежество в вопросах современного революционного движения было далеко не случайным. Поскольку профессор отказывался знакомить студен-

¹ Дэвид Грохем Флинне — видный американский литератор девятисотных годов, вместе с Линкольном Стеффенсом и Эптоном Синклером возглавлявший «Разрешение грез».

тов с жизнью современного общества, студентам оставалось только знакомиться самим с этой жизнью, и я послал циркулярное письмо всем студентам-социалистам, каких только знал, призывая их объединиться. Второго сентября 1905 года мы устроили обед в ресторане Пика на Фултонстрит и выбрали Джека Лондона председателем. Газеты отнесли несколько строк действиям этих новоявленных кулаков. Помню, как я зашел к секретарю одного из университетских клубов посмотреть членский список, и он никак не мог понять странного названия нашей организации. «Объясните студентам-социалистам, говорите им? Вы бы еще сказали — Лига матовиков-апархитов, Ассоциация баптистов-большевиков, или Королевский коммунистический клуб!»

Разумеется, у нас не было средств, и все делалось добровольцами. Передно и спина до двух, до трех часов утра, упавшая литература для рассылки людям, которые часто вовсе не желали получить ее и иногда, не стесняясь, писали мне в этом смысле.

Вскоре приехал Джек Лондон, и для его встречи мы организовали массовый митинг. Нам герой должен был прибыть из Флориды, поезд опоздала, и я вместо, с калым шивеским страхом и готовился пропустить речь, чтобы отступить время. Как раз в эту минуту раздался приветственный крик, появилась Джек и прочел нам свою знаменитую речь «О революции». Это было всего-навсего двадцать пять лет тому назад, но кажется сейчас древней историей. Почти весь этот революционный пыл влился теперь в коммунистическое движение.

4

Первые главы «Джунглей» читал Джордж Брег для издательства «Макмиллан». Книга произвела на него впечатление, и он дал мне пятьсот долларов аванса. Последние главы вышли слабее первых, потому что ни здоровья, ни денег у меня уже не было, и о второй поездке в Чикаго, на которую я сильно рассчитывал, не могло быть и речи. Я сделал все, что мог, — и посмотрели бы мою рукопись, те критики, которым не нравится конец! Под конец я уже не знал удержу, пытался решить все проклятые вопросы, волновавшие Америку, но забыл упомянуть о про-

около месяца и под конец помыслил предлагаемую сумму до трехсот тысяч долларов в акциях. И до сих пор не знаю, было ли это деловое предложение или замаскированный выкуп. Если выкуп, то это был единственный случай в моей жизни, и я могу считать себя польщенным.

Упомоленные Рузвельта просили меня поехать в Чикаго вместе с ними, но я не люблю возвращаться к уже сделанному. Я предложил им прислать представителя, который может бы им связаться с рабочими на бойках. Для этого я выбрал двух корреспондентов, с которыми познакомился в местной организации Трентона, — Виллу Блэр и ее мужа. У миссис Блэр было много маленьких детей, но это не мешало ей быть активной в социальном движении. Это была маленькая женщина, неутомимая, как волка; война привела ее к коммунизму, и теперь все ее плечо детей — активные работники коммунистической партии, а сама она стала «матушкой Блэр», содой, но энергичной, и познакомилась за это время с сотней тюремных камер.

Упомоленные ищут возможность убедиться, что все, о чем я писал в «Джунглях», было правдой, и не мог только представить доказательства того, что рабочие падают в чапы и превращаются в «чистое свиное сало». Таких случаев было несколько, но однако фабриканты всегда заботились о том, чтобы отправить вдову такого рабочего на родину — в Европу. Но и без того материал был собран поразительный, — если б он попал в газеты! У Рузвельта было намерение реорганизовать инспекцию консервной промышленности и без шума провести законопроект через конгресс. Но фабриканты сами себе повредили, вытравив против законопроекта. Наконец, с молчаливого согласия конгресса, я назвал «Нью-Йорк тайме» на след мистера и миссис Блэр, и на следующий же день вся история попала на первую страницу газеты. Рузвельту пришлось предать гласности доклад комиссии, и таким образом правда выплыла наружу.

Я перебрался в Нью-Йорк и открыл импровизированное бюро печати в двухкомнатном номере гостиницы — два секретари работали у меня сверхурочно. Я давал интервью, писал для газет, пока голова не шла кругом, и когда в два часа ночи ло-

жилась спать, мозг продолжал лихорадочно работать. Мне казалось, что стены цитадели алчности готовы рухнуть, стоит только дать толчок, толкать еще и еще. В конце концов эти стены остались стоять, несомненно, без единой царапины: фабриканты потеряли на этом деле несколько миллионов, но быстро навертали потерю, рекламируя повсюду, что качество их продукции теперь гарантировано новой государственной инспекцией.

Год спустя миссис Блэр снова посетила Чикаго, на этот раз вместе с корреспондентом «Нью-Йорк геральд». Они провели на бойках несколько месяцев, и нашли, что все старые злоупотребления процветают вопреки всему.

Я прославилась. Нью-Йоркская «Ивнинг уорлд» писала: «После Байрона, который проснулся в одно прекрасное утро знаменитостью, не было еще примера, чтобы книга завоевала человеку мировую славу буквально в один день, как завоевали ее «Джунгли» Эптону Синклеру». «Джунгли» были переведены на 17 языков и в течение полугода оставались самой горячей книгой в Америке и Англии. Фотографы и репортеры прешагали в Принстон, нанюжились там лошадей и делялись во мне на ферму, и соседи, которые сбывали мне узавявшие плуги и разбитые на ноги мулов, сделали открытие, что я — «местная достопримечательность».

Редакции заказывали мне статьи по телеграфу и предоставляли назначить гонорар по моему усмотрению...

Как ощущается слава? По правде говоря, для меня лично она значила очень мало. Радостных переживаний было немного. Я слишком много страдал и разучился радоваться. Если б я мог считаться с собственными желаниями, я бы с первым походом уехал куда-нибудь в глушь и по вернулся бы к многолюдью и шуму; однако я не уехал; я знал, что благодаря «славе» газеты и журналы будут печатать хоть что-нибудь из того, что мне нужно было сказать, и наемные рабы на гигантских заводах Америки услышат то, что им нужно услышать.

Фрэнс Даблдей передал мне от имени Рузвельта следующее: «Скажите Синклеру, чтоб он отправлялся домой и предоставил мне управлять Америкой». Но я не

послушался совета. Я вел с «Журналом для всех» переговоры о ряде статей, разоблачающих эксплуатацию детского труда на фабриках и заводах Америки. Их это заинтересовало, и они согласались напечатать восемь или десять таких статей. Увы, будучи новичком в этом деле, я не связал их договором. Я взял с собой миссис Блэр, и мы поехали на стеновые заводы Нью-Джерси в разгар лета, и самое жаркое время я провел, наблюдая как десяти-двенадцатилетние малюташки всю ночь работают перед раскаленными докрасна печами. Я помню один случай: засыпающий от усталости ребенок бред домой на рассвете, свалился на полотно железной дороги, заснул, и его переехало поездом. Я жила у этих рабочих, говорил с ними, ел за одним столом с ними и впоследствии описал некоторых из них в своих книгах. Критики всегда говорят, не знал сути дела, что я «идеализирую» своих героев-рабочих. Могу только сказать, что если существует на свете более прекрасный тип человека, чем разбойничий, глубоко верящий в солидарность рабочего класса и жертвующий время, деньги, а иногда и самую возможность заработка ради своих убеждений, то я его не встречал.

После этого я побывал на Аллеганских сталелитейных заводах — штабквартире наемного рабства в Америке. Теперь положение там отпатентовано, но и тогда оно было достаточно плохо, и то, что я написал, ужаснуло «Журнал для всех» — они разрешили печатать мои статьи. И мне пришлось отдохнуть, хоть и не по собственной воле.

Я писал когда-то о Джунглях: «Цель в сердце читателя, и печально попал в желудок». Принято думать, что я способствовал оздоровлению боев и прогрессу мясной промышленности, хотя это и не верно. Но никто даже не пытался уверить меня, что я улучшил положение рабочих на бойках. У них нет союзов, и их реальная заработная плата так же мизерна, как и 28 лет тому назад. Однако я не хочу быть pessimistom и говорить, как Джей Лондон говорил мне, что, может быть, при всех его успехах революция наступит лишь десятью минутами раньше. Я верю, что многие и многие американцы носят в своем сердце мечту о новом мире, хотя и не знают, как осуществить ее. Придет день, мы услышим о них и увидим, как взойдут семена, посеянные нами в трудные годы. И потому и еще могу слышаться, даже над консервными тортами.